

4 февраля

Наталья КУЗЬКИНА

От Тоффеля к Воланду

БУЛГАКОВ ЧИТАЕТ КУПРИНА

(Окончание. Начало в номере от 2 и 3 февраля)

Цвет возвращается к прежней жизни. А вся необыкновенная история оказалась всего-навсего сном. Правда, между сном и реальностью обнаружались прямые связи — но Куприн не стал разъяснять все детали, напротив, оставил их для догадок самому читателю.

Рассказ Куприна, который приходил к публике вместе с грозным набатом гражданской войны, вполне мог оставить читателя равнодушным: сказки и сны дореволюционных лет, призыв к духовности и доброте — какие наивность и простодушие! Российская «чертовщина» вокруг впечатляла почище любых сочинений.

Но когда сейчас читаешь «Звезду Соломона», убеждаешься, что зря В. Тан ругал Куприна за повторение «чужой чертовщины», зря приплет и Киплинга с Уэллсом. Напротив, Куприн совершает важные действия, отрываясь от традиционных путей в использовании западных легенд о дьяволе: он отказывается от их главной мотивировки — продажи души Дьяволу.

Цвет не ищет дьявола. Напротив, его как человека чистой души и вполне бескорыстного избирают, чтобы он попытался найти кабалистический ключ, «слово». По заветной формуле дьявольские силы попадают ему в услужение, но и освобождают его, коль слово найдено, не причинив никакого вреда. Обе стороны сохраняют честность, в их прямых отношениях мошенничество невозможно.

Куприн нашел способ ввести своего нестрашного дьявола в современный мир. Без всяких небесных знамений запросто входят герои Куприна и Булгакова — ходатай по делам Тоффель, профессор черной магии Воланд — в мир реальности.

Множество мелких, частных, но важных деталей из «Звезды Соломона» подхвачены и преобразованы Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Тут и изменчивые глаза Тоффеля, и его способность показываться человеку в любом месте вявья, живьем — не где-то там, в видениях, а в натуре. Есть основания думать, что характер Тоффеля отложился некоторыми чертами и в образе булгаковского Коровьева-Фагота.

Правда, Тоффель старше и не очень склонен к забавам. Но — энергичен, даже суетлив, болтлив не в меру, с ловкостью «фокусника» достает всяческие бумажки с печатями и к тому же поет «фальшиво» итальянскую песню. Ссылки Фагота на то, что он — бывший регент, тоже находят объяснение в рассказе Куприна: ведь там есть регент Серебрустов, который впоследствии приходил к Цвету одалживать деньги: простудился, стал глохнуть, голос сдал.

Любопытно отметить, что и Тоффель перед Цветом, и Воланд в квартире Лиходеева появляются в тождественной ситуации: герои просыпаются после изрядной выпивки непривычно поздно (один — в десять часов три минуты, другой — в одиннадцать) и в присутствии незнакомца. Эта причина изначально важна, так как она дает возможность Тоффелю и Воланду, не оставляя персонажам времени для размышлений, подчинить их своей воле.

Изысканная корзиночка с завтраком на дорогу, которую заботливый Тоффель вручает Цвету у железнодорожного вагона («Немного икры, рябчики, телятина, масло, яйца и другая хурда-мурда. И парочка красного, мутон-ротшильд»), перекликается с умело сервированным завтраком, предложенным Степе Воландом, — «нарезанный белый хлеб, паюсная икра в вазочке, белые маринованные грибы на тарелочке, что-то в кастрюльке и, наконец, водка в объемистом ювелиршином графинчике».

Булгаков, подхватывая догадки Куприна, временами использует их с широтой, о которой его предшественник и не помышлял. Куприн, к примеру, только называет способность Тоффеля «казаться» вявья, то есть на самом деле. А Булгаков красочно расписывает каждое «явление» героев из группы Воланда: то они отражаются в зеркалах, то материализуются, то звучат только их голоса, то они неожиданно меняют внешность. Подобные сцены связаны идеей постоянной изменчивости и вечных трансформаций неведомого мира. Но — и идеей вынужденной приспособляемости этого мира к человечеству, еще более нестабильному и капризному.

Булгаков вдохновенно разворачивает мотив, лишь названный Куприным, — легкости и ловкости героя в результате приобщения к иным силам. Цвет, проснувшись в имении, после ночи, в которую он набрел на ключевое слово, «сразу почувствовал себя таким бодрым, свежим и легким и ловким, как будто бы все его тело потеряло вес... как будто ему вдруг стало девять лет, когда люди более склонны летать, чем передвигаться по земле». Куприн к этой мысли более не возвращается. А Булгаков, связав ее внешне с чудодейственной мазью Азazelло, погружает читателя в развешенные описания полета Маргариты над Москвой и ее окрестностями.

Широко использовал Булгаков мотив потери памяти, намеченный Куприным: Цвет забыл, что с ним было, «точно кто-то стер губкой все события этой странной и страшной ночи». Он забыл и свою прошлую жизнь.

В «Мастере и Маргарите» больной профессор Иван Николаевич Поньрев имеет «исколотую память», в ней, до очередного приступа болезни, образуются пустоты: полностью пропадают удивительные события, свидетелем которых он был.

И, наконец, надо сказать, что Булгаков весьма активно использовал трамвай, возникающий в кульминации рассказа Куприна. Потрясенный Цвет «в полной мере пережил и перечувствовал все, что было в эти секунды с дамой, торпливость, растерянность, беспомощность, ужас». Зигзагом молнии ему вдруг осветилась его собственная жизнь, он вспомнил все — и колдовское слово. Наступила развязка. Гибель незнакомой дамы в рассказе Куприна — повод для психологической катастрофы героя.

Этот ход принимает и Булгаков. Иван Бездомный, потрясенный гибелью Берлиоза, заболевает, а знакомство с Мастером и излечение ведут его к пересмотру своих жизненных позиций. В результате из скверного самодовольного поэта Ивана Бездомного получается профессор Иван Николаевич Поньрев; прощаясь с ним, Мастер называет его «мой ученик» — тот сдержал слово и прекратил писать стихи.

Однако ситуация гибели под колесами трамвая представлена Булгаковым как содержательная: не случайная смерть неведомого человека, а возмездие Берлиозу за безответственность, за пошлый рационализм, за эгоистическое удобное жизнеустройство.

Думается, что Куприн подсказал Булгакову самое главное: вероятные пути соединения «чужой чертовщины», впрочем, давно уже ставшей своей, с картинами окружающей жизни. Реалии киевского быта, которым мог и не придавать значения Куприн, имели для Булгакова, читавшего рассказ в Киеве, особую искусительную наглядность. Возможно, тогда и зародились соблазнительные мысли и параллели, которым суждено было воплотиться в образы уже много лет спустя, в годы жизни Булгакова в Москве.